

Юаньсюй уже выпил чашку вина, поставил бокал и с улыбкой сказал:

— Божественный Владыка Цин Ду известен как бесчувственный небожитель. Что же тебя удивляет?

— Не может быть, — удивился Хуа Чжаошуй. — Почему я этого не замечал?

Юаньсюй лишь улыбнулся, не отвечая, и велел бессмертному отроку принести ему пилюли:

— Ци Гу, ты прошел через мир людей. Нашел ли ты свой путь?

Хуа Чжаошуй надул губы и мрачно ответил:

— Я и так не отличаюсь выдающимися способностями, не смейтесь надо мной. Даже мой учитель не нашел своего пути, как я могу сделать это так быстро?

— В совершенствовании важна удача, а не талант. Цин Ду всегда действует вопреки Небесному Дао. Кто знает, может, ты превзойдешь своего учителя.

Хуа Чжаошуй взял пилюли, поблагодарил и, опустив голову, съел несколько бессмертных плодов:

— Я не понимаю, зачем все ищут свой путь. Что изменится, если найдешь или не найдешь его?

Юаньсюй снова рассмеялся:

— Ты действительно без прошлого и воспоминаний. Разве ты не собирался кормить бессмертных журавлей? Пойдешь сегодня?

Услышав про журавлей, Хуа Чжаошуй сразу забыл о своих сомнениях и радостно последовал за маленьким бессмертным отроком к Задней горе.

Покормив журавлей, он вернулся к себе, погрузившись в медитацию и регулирование дыхания. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем он собрал свои рассеянные мысли. Выйдя наружу, он услышал, что Цин Ду уже вошел в Диск Восьми Звезд.

Когда он побежал к Нин Чжи с вопросами, то увидел сцену внутри Диска — его учитель, уже семи- или восьмилетний мальчик, выглядел как богатый юноша, держащий в руках длинный меч. Его движения были ловкими, а кончик меча создавал ветер.

Хуа Чжаошуй заворуженно смотрел на это некоторое время, прежде чем вспомнил, зачем пришел. Только он взглянул на Нин Чжи, как тот заговорил первым:

— Божественный Владыка Цин Ду впервые отправляется в мир людей, чтобы преодолеть свое бедствие. Это важное событие. Малыш Хуа, когда ты войдешь в Диск Восьми Звезд и встретишь его, помни, что он должен быть твоим приоритетом, понял?

Хуа Чжаошуй хотел сказать: «Конечно, я знаю», но затем спросил:

— Когда я войду в Диск, я ничего не буду помнить. Как я смогу считать его приоритетом?

Нин Чжи усмехнулся с хитрой улыбкой:

— Ах, я забыл об этом. Не волнуйся, когда придет время, я помогу тебе вспомнить.

Хуа Чжаошуй почувствовал, что у него на уме что-то недоброе, но, думая только об учителе, не стал возражать и спросил:

— Когда я смогу отправиться? Я опоздал на столько лет. Успею ли я встретить его?

— Успеешь, успеешь, — Нин Чжи, который до этого сидел, развалившись, и пил вино, встал, отряхнул рукава и сказал. — Если я говорю, что успеешь, значит, так и будет.

Нин Чжи вдруг стал серьезным:

— Ци Гу, еще одно. Ты отправляешься в мир людей, чтобы преодолеть бедствие. Ты должен пройти через восемь страданий мира людей, чтобы действительно преодолеть его. Ты знаешь, какое это бедствие?

Хуа Чжаошуй ответил:

— Знаю. Первое бедствие — это рождение, старость, болезнь и смерть обычных людей. А это — разлука с любимыми.

Нин Чжи улыбнулся и похлопал его по плечу:

— Хорошо, что знаешь. Любовь и привязанности мира легко сбивают с толку. Я боюсь, что ты, попав в этот мир, утонешь в его суете и не захочешь возвращаться.

Хуа Чжаошуй взглянул на Диск Восьми Звезд, рассеянно сказав:

— Даже если бы я захотел остаться, мой учитель бы не позволил. Я могу отправиться сейчас?

Нин Чжи с досадой покачал головой и щелкнул его по лбу:

— Ты такой нетерпеливый. Не плачь потом, если попадешь в беду.

Хуа Чжаошуй не успел ответить, как его толкнули в Диск Восьми Звезд.

В момент головокружительного вращения он все еще думал: «Разлука с любимыми. С кем же разлучится учитель? Кого может полюбить Божественный Владыка Цин Ду?»

*

Барабан пробил три раза в час Мао. Вскоре ворота резиденции знати на востоке города Цзиньюнь открылись, и несколько карет одна за другой выехали на длинную улицу, оставляя следы на тонком слое утреннего снега. Наступило время, когда господа отправлялись на аудиенцию, а юноши — в школу.

В старом покосившемся доме на западе города раздался крик младенца. Повитуха с радостью быстро завернула окровавленного ребенка в кусок хлопчатобумажной ткани и показала его лежащей на кровати женщине:

— А Ин, посмотри на ребенка. Как громко он кричит. Сразу видно, что ему уготована счастливая судьба.

Женщина по имени А Ин, с синей грубой тканью на голове, бледная и слабая, посмотрела на ребенка и шершавыми пальцами потрогала его маленькое лицо. Она сдавленно сказала:

— Какая там счастливая судьба? Его родители — слуги в чужом доме, и он всю жизнь будет чьим-то рабом.

А Ин смотрела, как ребенок постепенно успокаивался, и на ее лице появилась легкая улыбка. Она спросила:

— Хуа Цюань еще не вернулся?

Повитуха вздохнула:

— Нет. Говорят, что молодой господин снова устроил переполох. Управляющий получил указание от господина присматривать за ним, поэтому Хуа Цюань должен быть рядом. Вряд ли он скоро вернется.

Повитуха посмотрела на лицо А Ин, помогла ей лечь и положила ребенка рядом. Она утешила ее:

— Не переживай. Он наверняка думает о тебе и ребенке. Я сейчас приготовлю тебе немного каши.

А Ин кивнула, повернула голову и, глядя на маленькие ручки ребенка, которые он беспорядочно размахивал, с улыбкой запела тихим голосом:

Месяц изогнут, лодка изогнута,

маленький малыш, иди на колени мамы...

Том первый. Разлука с любимыми

А Ин раньше была актрисой в театральной труппе. В молодости она была красивой и изящной, и многие богатые покровители хотели ее поддержать. Тогда она была молода и думала, что сможет петь вечно. Но потом ее голос испортился, и она больше не могла петь. Оказавшись в безвыходной ситуации, она продала себя в рабство семье Шэн, став их служанкой. Ее муж, Хуа Цюань, уже был рабом семьи Шэн, и их сын тоже должен был стать их собственностью.

Господин Шэн был министром обороны при дворе. У него уже было два сына и одна дочь. Старшая дочь стала наложницей в императорском дворце и пользовалась благосклонностью императора. Старший сын служил в императорской гвардии, а младшему сыну было всего восемь или девять лет, и он уже стал известным хулиганом в столице.

А Ин работала на кухне, и, если некому было присмотреть за ребенком дома, она брала сына с собой в дом Шэн. Другие дети слуг тоже иногда приходили с родителями и играли там, пока не нарушали порядок, и господа не обращали на это внимания.

Ребенок А Ин вырос до семи-восьми лет, и все звали его Малыш Хуа. Имя, которое дал ему отец, почти никто не помнил.

Малыш Хуа был похож на девочку — красивый и спокойный. Другие дети в его возрасте целыми днями были в грязи, лазали и бегали без остановки, а он просто сидел на маленькой скамейке рядом с матерью и помогал ей чистить овощи.

А Ин специально предупредила его, чтобы он играл только здесь и не ходил в южный двор. Все дороги, ведущие туда, лучше обходить стороной — там жил вспыльчивый второй господин.

Если он встретит его и рассердится, это может обернуться большой бедой. Жизни слуг ничего не стоят, и их могут убить по одному слову.

Когда Малышу Хуа исполнилось девять лет, в дом пришел гость. Он выглядел изящно, был одет в длинное белое одеяние, стройный, с легкими морщинами на лбу. Он явно не вписывался в обстановку этого старого дома.

А Ин, увидев этого мужчину, засуетилась, вытерла руки и пригласила его сесть. Затем она позвала Малышу Хуа налить гостю чаю.

Мужчина взял чашку, подозвал Малыша Хуа, посмотрел на его руки и погладил его по голове. Он сказал А Ин:

— Юнь Цин, ты действительно хочешь, чтобы твой ребенок всю жизнь был рабом? Он такой красивый. Жалко, если он станет слугой семьи Шэн.

А Ин смутилась, вытерла руки о одежду и села рядом:

— Господин Сун, меня больше не зовут Юнь Цин.

Юнь Цин было ее сценическим именем. Время прошло, и она больше не хотела, чтобы кто-то называл ее так, чтобы не вызывать грустных воспоминаний.

Сун Юньюэ слегка кашлянул:

— Прошу прощения.

А Ин махнула рукой и посмотрела на ребенка, который стоял рядом, послушный и тихий. Она вздохнула:

— Конечно, я не хочу, чтобы он всю жизнь был рабом, но что я могу сделать? Его родители — рабы, и что ему остается?

Сун Юньюэ сказал:

— Я пришел именно для этого. Управляющий семьи Шэн попросил меня обучать их актеров. Если ты согласишься, я возьму этого ребенка в труппу. Быть актером лучше, чем быть слугой. Хотя он все равно будет рабом, но в праздники он сможет получать подарки от господина. Если господин его полюбит, его жизнь станет лучше. Со временем, возможно, он сможет выкупить себя.

<http://bllate.org/book/16756/1562711>